Об отце Илье

Максим Александрович Осипов

SHOUT
SHARE
IT

•

человек в пейзаже

из дневника

Я знал протоиерея Илью Шмаина, отца Илью, в последние десять лет его жизни, с конца 1999 года мы виделись или говорили по телефону почти ежедневно. Нашему сближению очень способствовали общий крестный — писатель Е.Б. Федоров, моя мама М.А. Осипова, знавшая о. Илью с молодости, а также ряд жизненных обстоятельств, в частности, потребность во мне как во враче.

В течение всех этих лет я вел дневник, выписки из которого и составили настоящую публикацию. Примечания заключены в квадратные скобки. Мое желание обнародовать дневниковые записи вызвано стремлением устроить встречу возможно большего числа людей с моим любимым другом. Сам он с удовольствием знакомил людей: все должны знать всех — таков был, по отцу Илье, образ Рая.

23 августа 1997 года

• Вчера отпевали дочь о. И. Татьяну. Можно и одному, и, как вчера, — шесть священников, и с хором, и без хора. На что советские люди променяли “И целуйте меня последним целованием” и “Вечную память, вечный покой”? На “Навсегда ушел от нас…”, “Он прошел путь от … до …”. Какой ужас. Мы с мамой подаем записки за некрещеных. Если Бог нас не простит даже за такую малость, то дело наше и так безнадежно. Так что будем и дальше подавать. [Мы в первый раз в храме Петра и Павла на Яузе.]

7 февраля 1998 года

• Замечательная проповедь о. И. (день поминовения пострадавших за веру). Мы в атеистические времена взяли многое от христианства: свободу, равенство, братство, но пошли в светлое будущее без главного — без Христа. От этого-то все и получилось. И еще — блаженны *изгнанные* за правду, но не *изгоняющие*.

• Один из первых советов, услышанных мной от о. И: *не объединяйте людей по ругательному принципу*. Сказано было в ответ на вопрос одного моего партийного друга о “новых обновленцах”, что ли.

• При первой нашей встрече в 1994 году о. И. рассказал следующую историю: “Еду я по Парижу и вижу горит надпись:

АТЕИЗМ. Ого, — думаю, — какие французы духовные стали, вот они чем интересуются. Подъезжаю ближе: это оказывается АТЛЕТИЗМ, две буквы не горят (возможно, по-французски как-то иначе, неважно). Вот с атлетизмом уж точно ничего не поделаешь, а многие атеисты — содержательные, духовные люди". Я это тоже замечал: самые добрые, щедрые люди, каких я встречал, — атеисты.

5 июня 1998 года

• О. И. о рассказе "Три года" [Чехова]: это о том, что надо жениться по любви, а он думал, что ее любит, но не любил. А как же знать, кого любишь? Ну вот об этом и рассказ — надо *знать*. О "Даме с собачкой": любовь важнее и прекраснее всего на свете. (2004: А мне в отношениях с Анькой не надо было быть дураком. Просто не надо было — и все. Как я мог знать ее конец? А никак. Как-то должен был. Как Эдип должен был знать, кто его мать и кто его отец? Должен был — и все. И он это отлично понял.) [Моя младшая сестра Анна, ее 11-летний сын Миша и муж Алексей были убиты 18 января 2000 года в своей квартире. Убийство было совершено в целях ограбления. Убийцы Черкасский и Егоров были арестованы в сентябре 2000 года. Их судили в Московском городском суде и приговорили первого к пожизненному заключению, второго — к двадцати годам тюрьмы.]

23 июня 1998 года

• Отречение Петра. О. И. объяснил так: Петр не верил пророчествам, был очень земным, пошел похлопотать, узнать, нельзя ли устроить побег, откупиться и т.д., а когда запел петух, вспомнил пророчество и понял, что оно исполнится, Крест неизбежен.

27 июля 1998 года

• О. И. объяснил, что законы природы возникли в результате грехопадения, так что сотворение мира — это вовсе не сотворение, а разрушение. Я сказал, что теперь мне не так стыдно их не знать, а он пошутил, что изучение законов природы — это своего рода интеллектуальное покаяние. Еще он сказал, что моя модель отношения Бога к людям неправомерна, ибо я пытаюсь наблюдать Бога, а это невозможно. И что размышлять о свободной воле можно, но слова об Иуде "и лучше б ему не рождаться" сказаны для устрашения, а не для размышления, но что в основе способности различать то, о чем возможно размышлять, а о чем невозможно, лежат все-таки попытки размышлять.

2 сентября 1998 года

• О. И. советует, читая ап. Павла, рассматривать его как очень умного, вероятно, самого умного человека.

• Господи Боже наш, прости мне грехи мои. Пощади ближних моих, и пусть один только я плачу за грехи свои. О. И.: такая молитва нужна; в книгах Ветхого Завета человек и его ближние — одно. Нафан предлагает Давиду выбор: или за его грех заплатит народ, или сам Давид, — и у него умирает сын.

24 сентября 1998 года

• Из проповедей о. И. запомнилось об образе рая в душе каждого из нас. В детстве иногда просыпаешься с таким особенным чувством, это и есть рай. Рай, которого мы лишились, согрешив в Адаме и потом — каждый сам по себе.

10 октября 1998 года

• Я вышел из церкви несколькими минутами раньше о. И. Потом появился он, окруженный благочестивыми прихожанками. На тротуаре сидело трое пьяниц. Один из них, увидев священника, поднялся и с трудом направился к о. И., двое других остались допивать. Дойдя до о. И., пьяница сложил руки для получения благословения. Надо было и благословить, и как-то выразить порицание. О. И. произнес: “Я тебя благословляю, но вполсилы, чуть-чуть”. И благословил.

11 февраля 1999 года

• В день поминовения новомучеников и исповедников российских позвал меня о. И. в Южное Бутово: там на месте расстрела нескольких десятков тысяч человек построена деревянная церковь. Мы с Женькой и Марьяной [мои жена и дочь] привезли о. И. ко всенощной. Ехали долго, не могли найти, и по дороге он говорил, что священникам отсутствие в наш век чудес могут поставить в вину, я не соглашался, почему неясно. Всюду лежал снег, во дворе церкви было темно, не было видно ни огонька, казалось, что находишься где-нибудь в Сибири, а не в пяти километрах от МКАДа. Внутри пахло деревом, топилась буржуйка. О. И. с о. Кириллом, здравомыслящим на вид священником, кандидатом геологических наук, недавно рукоположенным, отслужили огромную службу, часа на четыре с половиной, потом я вызвался отвези о. Кирилла домой в Беляево, о. И. — на “Щелковскую”. По дороге о. К. рассказал такую историю: в начале 1990-х годов пришел к нему экзальтированный военнослужащий (майор, кажется) по имени Афанасий, совершенно нецерковный, и сообщил о своем видении (или сне?), будто явился к нему ангел и возвестил, что небесным своим покровителем майор должен считать св. Афанасия, а потом спел тропарь этому святому. Майор записал виде€ние в тетрадь и отдал ее о. К., тогда еще дьякону. Тетрадь сохранилась. Спустя несколько лет церковь канонизировала епископа Афанасия, расстрелянного на том самом полигоне НКВД, где мы только что

побывали, и написала ему тропарь. Первые три строчки тропаря совпали с теми, что получил в видении экзальтированный майор. Тетрадка сохранилась.

— Ну, вот, отец Илья, а вы говорите: чудес не существует.

— Я математик, меня факты не интересуют. Где факты, там вранье.

11 апреля 1999 года

• Пасха. Ждал, ждал и вдруг почувствовал — не понимаю! Что мы сегодня празднуем, чему радуемся? Если суть всего — жертва, то почему — Воскресение? Что это значит именно для меня? Почему Он смертью Своей попрал мою смерть? Простоял всю ночь на службе, причастился, так ничего и не поняв. Как Лев Толстой, стоял и думал: чему они все радуются? На другой день многое объяснил о. И.: Воскресение Христа — это Воскресение Человека, а значит, и всех нас, и меня (т.е. в сильно ослабленном виде — как *человек в космосе*). Грехопадение Адама, т.е. человека, т.е. всех нас и меня, означало физически сотворение мира, а на самом деле — разрушение его, т.е. рост энтропии. Чтобы остановить этот процесс, повернуть его вспять, нужны были какие-то особые средства. Нужна была жертва самого невинного, самого безгрешного *человека*. И Господь Иисус Христос воплотился в такого человека и принес Себя в жертву. Воскресение Его означает, что жертва была принята, т.е. угодна Богу. Вот почему "смертию смерть поправ". "Но вообще-то мне трудно об этом рассуждать, — сказал о. И., — я эту радость воспринял *первично*, с этого началась моя вера".

1 июля 1999 года

• Рассказ о. И. Одна монахиня говорила так:

— Настоящие монахи не моются и не воняют.

— А если все-таки воняют?

— Значит, моются.

• Еще один его парадокс: всякая наука, основанная на фактах, — вранье.

• В конце одного из молебнов (до которых о. И. небольшой любитель) о. И. обратился к старушкам: теперь подходите за водой, не толкайтесь, помогайте друг другу, и благодать снизойдет на вас. А если вы будете ссориться, драться, то я вам *этого не гарантирую*.

10 января 2000 года

• Новый год с о. И. и всеми Шмаиными. Мы с ним как-то тронуты отречением Ельцина, остальные не слишком. Потом о. И. рассказал нам про бунт в лагере. Заговорил он об этом потому, что Марьяшка сыграла сольного Баха, и о. И. вспомнил, как его учитель и друг играл ему "Чакону" в ночь перед штурмом и

рассказывал о ней. Все это в видоизмененном виде есть в книге Федорова “Бунт”, но я все-таки запишу рассказ самого о. И.

Итак, во-первых, надо понимать, что заключенный может пребывать в трех состояниях: 1) в тюрьме, 2) под конвоем, 3) в лагере. В тюрьме большая несвобода: нельзя лежать днем, подходить к окну, к двери и т.д. Несвобода конвоируемого еще больше: шаг вправо, шаг влево считается побегом, вологодский конвой шутить не любит. В пределах же лагеря — почти полная свобода: можно спать ночью, а можно гулять по лагерю, есть магазин, даже симфонический оркестр. “А зачем там оркестр?” — спросил я. “А зачем вообще симфонический оркестр, ты знаешь?” Во-вторых, начальство действует согласно должностным инструкциям и не вправе их менять. Есть инструкция, что никто не имеет права входить в лагерь с огнестрельным оружием (вероятно, чтобы не отобрали), и никто не входит. Есть инструкция, что заключенных нельзя оставлять совсем без еды, можно лишь перевести их на штрафной паек. И еще много чего.

После смерти Сталина в лагере во многих отношениях стало лучше (хлеб оставался на столах), кое-кого начали освобождать, но появилась нервность, которой раньше не было. И вот однажды к ним в лагерь проникли пятеро молодых (от восемнадцати до двадцати двух лет) бандитов — убийц, приговоренных к смертной казни и сбежавших из соседнего лагеря. (Лагеря были устроены таким образом, что, сбежав из одного, ты попадал в другой.) На лагерном пункте, где находился о. И., было примерно две тысячи человек, и эти пятеро сумели их моментально терроризировать. Половина сидевших успела повоевать, и они-то испугались первыми, распознав настоящую опасность. За десять дней своего правления бандиты казнили восемнадцать человек, причем самым кровавым образом — многих четвертовали.

“Завтра на работу никто не идет!” Остальное хорошо описано у Федорова: “Дайте нам женщин, и мы будем работать”, приезд министра лесной промышленности (“Мы будем говорить только с теми, кто на портретах” — т.е. с Хрущевым, Маленковым, Булганиным и т.д., Берию уже расстреляли), штрафной паек и, наконец, — на десятый день — штурм. О. И. играл в оркестре на контрабасе; оркестр, по замыслу Седого (главаря бандитов), должен был стоять сбоку от ворот и играть Интернационал (к счастью, приказа играть так и не последовало). Ворота сломали, и в лагерь вошли совсем молоденькие солдатики с автоматами, видно было, что им безумно страшно. Бандиты загораживались другими зэками, в руках у них были ножи, которыми они их при попытке освободиться закалывали. Всего при штурме погибло больше ста человек. Остальных вывели на лед, быстро обыскали,

превратили в конвоируемых, потом отправили в тюрьму, а оттуда обратно в лагерь.

По мнению о. И., этот бунт и штурм — образ того, что происходит в наше время в Чечне. Очень небольшая группа бандитов терроризировала мирных чеченцев (террор направлен всегда в первую очередь на своих), неповоротливая армия действует в рамках должностных инструкций (т.е. бездарно), гибнет очень много людей. Есть тут, конечно, и прямое предательство в Москве, и арабские страны, и Запад. Но о политике я совсем не собирался писать. В доме Шмаинов антизападные разговоры о. И. называются разговорами на букву "З".

• Совпадение *хочу* и *хочется* составляет *цельность*. А цельность = святость? Высказал это о. И. Он: цельность — одна из черт человеческой святости, но даже абсолютная цельность необязательно говорит о святости, пример — Кармен. Еще: совпадению *хочу* и *хочется* можно научиться упражнениями, а состраданию нельзя.

16 марта 2000 года

• Болезнь о. И. (его вопрос: "Ты не разорился? Что-то ты стал очень человечен…"). И только в Прощеное воскресенье к нему, кажется, полностью вернулась мощь. Отдельно записать наш разговор о Боге трансцендентном и имманентном, о Его милосердии. И "Плачу и рыдаю, егда помышляю…". И то, что о. И. ненавидит смерть. Замечание матери Христины, немки, со слезами, о том, что он — еврей и может спорить с Богом, а она боится. И крик его на Машу о том, что он ненавидит модных людей с их модными болезнями: "Почему надо болеть наркоманией и СПИДом?". И вчерашняя коротенькая проповедь, после литургии преждеосвященных Даров: "Я очень устал и не знаю, что говорить, но и без слова вас оставить не могу. Вы, присутствовавшие в храме эти три первых дня Великого Поста, почувствовали, что в мире что-то изменилось. Зло уже не торжествует стопроцентно, хотя и находится в самой сердцевине этого мира. Но не бойтесь, ибо, как сказал Христос: „В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир"".

11 июля 2000 года

• 3 июля я стал Васькиным отцом. [Вася — сын моей покойной сестры] Господи, дай справиться! Постановление Черемушкинского народного суда по-своему прекрасно:

Удовлетворить заявление Осипова Максима Александровича об установлении усыновления Введенского Василия Михайловича, 1987 года рождения, уроженца города Москвы. Признать последнего сыном Осипова Максима Александровича и

считать его Осиповым Василием Максимовичем, 1987 года рождения, уроженцем города Москвы.

Странно, что у Церкви нет на этот случай обряда. Анна [Шмаина] говорит, что есть *братание* у греков. И только один о. Илия сказал, что служба усыновления (всыновления) существует, и текст ее находится в Дополнительном требнике. Служба эта была не то чтобы запрещена, но сильно не рекомендована дореволюционным Синодом: видимо, таким образом некоторые помещики усыновляли своих незаконнорожденных детей, а потом возникали имущественные споры, кровь и слезы и т.п. Ну а теперь почему ее не служат? Вероятно, потому, что церковный человек не должен разводиться или второй раз жениться, заводить внебрачных детей, а следовательно, и потребности в усыновлениях возникать не должно. 13 октября (совпало — это 9-я годовщина моего крещения) о. И. отслужил этот чин. В тот момент я текст молитв не воспринимал. Запомнил только Трисвятое, которое я прочел очень высоким голосом (по крайней мере на октаву выше обычного), Ваську, стоящего спиной к алтарю в Царских вратах (он уже тогда был выше меня ростом), а затем опускающегося передо мной на колени, свой огромный осенний ботинок, который я осторожно ставлю ему на шею, трехкратный поцелуй и свой возглас: “Днесь сын мой еси ты, аз днесь родих тя”, испуг, поздравления присутствующих, ощущение события — того, что уже не отменишь решением нарсуда. От этого попрания шеи ногой и потом восставления и поцелуев дохнуло каким-то IV веком и правдой.

10 ноября 2000 года

• О. И. о жене Лота: Бог ее не наказывал, он только предупредил, что то, что она увидит, оглянувшись, превратит ее в соляной столп.

• О. И.: События в ветхозаветном Раю развивались вне времени, но какая-то последовательность у них все же была.

• Не путать раскаяние с покаянием советует нам о. И. Иуда тоже раскаялся. А покаяние — это путь к Богу. В связи с этим — еще о постмодернизме. Состояние все-уже-сказанного известно еще Екклесиасту. Но он от земли поднимается к Богу, а постмодернисты — к пустоте.

15 декабря 2000 года

• Шафаревича о. И. всегда сравнивает со Ставрогиным. Говорит, что когда-то Шафаревич был надеждой России. А мне кажется, что его путь вообще характерен для математика, занявшегося гуманитарными проблемами. То же — у Фоменко. Что математики делают, когда решают заняться новой областью, например, топологией или там логикой? Наверное, спрашивают у

знающих людей, какие две-три книжки почитать, читают, думают, получают *результат*, потом его защищают, т.е. убеждают окружающих, что это интересно, красиво. Так и тут: посоветовали Шафаревичу прочитать Библию, “Протоколы сионских мудрецов” и, например, Иоанна Кронштадтского. И пошло-поехало.

5 апреля 2001 года

• О. И. говорил о решении *проблемы* у мальчиков лет пятнадцати—шестнадцати, которые думают, что ни одной женщины у них никогда не будет. Тело твое просто прошу, / как просят христиане: / Хлеб наш насущный / даждь нам днесь. Надо, чтобы женщины лет двадцати пяти—тридцати были готовы пожертвовать собой и им дать, а потом понять, что он уже не тот, что был до решения проблемы, отказаться от любви к нему и т.д. И чтобы подруги не осуждали ее.

• У А., дочери М., очень рано наступило половое созревание: обычное женское началось в десять с половиной лет. В четырнадцать она уже совсем не давала жить ни себе, ни окружающим. Я спросил у о. И., что бы он посоветовал. Он посоветовал одевать ее как молодую женщину, и хорошо бы у нее появился *один* возлюбленный немного старше нее. “Но сам я этого высказать не могу, она не поймет, как священник может давать такие советы, так что пусть это исходит от тебя. — Я засмеялся. — Ты тоже не понимаешь? А ты что предлагаешь?”. Я что-то стал бормотать про гандбол, но к спорту о. И. равнодушен. Ничего я, конечно, М. не передал, но и без нас все устроилось наихудшим образом.

• О. И.: Я все-таки надеюсь, что ада не будет.

Я: Ни для кого?

О. И.: Нет, для тех, кто отвернется от Бога, он, конечно, должен быть оставлен, должна ведь быть свобода.

Я: (излагаю мысль Вл. Антония о том, что то, что для одних рай, может стать для других сущим адом, например концерт классической музыки).

О. И.: Да, говорят ведь, что Божественная любовь грешников *обжигает*.

Я: Ну а что будет с…

О. И.: С Ч-ским (убийцей)? ну, представь себе, что человек долго-долго горит в огне…

Я: И не сгорает…

О. И.: …И просит протянуть ему руку. Ты ведь протянешь?

Вот первая христианская правда о нашем убийстве, которую я слышал. Но только Ч-ский, как оказалось на суде, руку тянуть не будет. Такого зла, видно, даже о. И. не видал.

• О. И.: “Если я не умру на Пасху, что было бы слишком

хорошо…” Господи, помоги!

12 апреля 2001 года

• Страстной четверг. Проповедь о. И. о молении о чаше. О том, что первая молитва отличается от второй: 39: И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты… 42: Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя (Мф 26). Найдя учеников спящими, Он получил ответ.

• Еще разговоры с ним о том, что 1) Теодицея невозможна (лучший ответ на любую теодицею — Освенцим); 2) песнопения службы “Двенадцати евангелий” выдержаны в антисемитском духе и потому вдвойне тяжелы; 3) крещеные евреи сораспинаются Христу, как никто другой; 4) самое главное — о трех планах: творения, грехопадения и искупления (спасения); в плане творения все сделано идеально: нет ни расстояний, ни других помех для общения между душами, ни болезней, печали и воздыханий, ни какого-либо другого зла; план грехопадения изучается физикой, энтропия стремится к бесконечности, а если нужны деньги, то надо пойти убить; в плане же искупления все непонятно: исповедавшись в грехах, мы все-таки ощущаем, что все они остаются при нас, причастия (соединения со Христом) как бы не хватает надолго, и надо снова причащаться и т.д.

• Шутка о. И. (в ответ на мамин вопрос): женщина сделана из ребра Адама, а не из праха (глины), как он, а потому женщина более совершенна.

23 апреля 2001 года

• Накануне — проповедь о. И.: Пасха от нас уходит. Уходит потому, что мы не в силах ее удержать. На этой неделе мы могли причащаться, не постясь, но мы этого не делали. Мы могли не читать обычные утренние и вечерние молитвы, а читать Пасхальный час, но мы его не читали. Мы отпускаем от себя Пасху, не задерживаемся в радости Воскресения Христова, мы даже боимся этой радости…

15 мая 2001 года

• Началась химиотерапия. О. И. о двух возможных принципах воздействия: близкодействие и подобие. Классические примеры первого — поле (например, электрическое), химиотерапия и т.д. — все, что мы видим в плане грехопадения. Второго — Литургия. Моя догадка — фотография, искусство. Это — в плане спасения. Можно ли так исцелять? Вернее всего, мы этого не можем. (А вакцинация?) Когда начался план спасения? Наверное, прежде всех век. И в Ветхом завете мы видим этот

план: Авраам и Исаак, замена Исаака агнцем. Человек готов был отдать своего сына, в ответ на это Бог отдал Своего. Такой вот разговор. Встреча с отцом Ильей дала мне самую большую радость, какую может дать встреча с человеком.

• Рассказ о. И. В лагере он одно время работал в культбригаде, а значит, ездил с одного лагпункта на другой. Одному из артистов их бригады ворами было доверено передать на другой лагпункт большую сумму денег. Он их не передал (пропил, проел, проиграл, потерял). Городецкий, главный вор, сказал: “Резать этого черта. Ну что с ним еще делать?” О. И. вместе с другими зэками стали просить сохранить артисту жизнь (интеллигентный человек, ошибся, раскаивается). Городецкий им сказал: “За *кого* вы простите? Ведь поступок хреновый не только с точки зрения ВОРА, но и просто *порядочного человека*”.

• Спросил о. И. об одном отрывке из Ветхого Завета. Он: “Их вейс? Хорошо, если я хоть что-то понимаю…”

24 мая 2001 года

• За насилие над Таней, — говорит о. И. — надо было отомстить. В Израиле всегда можно найти автомат. Но так поступил бы ветхий человек. А я недавно стал священником и решил поступить как новый человек. Но сделал это только по видимости. Т.е. по видимости поступил как новый человек, а по сути — как *цивилизованный*. А цивилизованного человека перед Богом нет. Вообще нет.

10 июля 2001 года

• О. И. сказал, что не хочет никого судить, даже себя. (Потом, уже в шутку: “Про меня скажут: был строг к другим, зато снисходителен к себе”.)

О. И. — громко — тетке-исповеднице, видимо, жалующейся на зятя (объекта многих исповедей): “Наверное, у него все-таки есть мозги, раз он учится не на юридическом и не на экономическом”.

• В воскресенье к концу литургии в церковь вбежал мужчина средних лет, по виду — опустившийся интеллигент (как оказалось, плохой художник), и очень громким шепотом произнес: “Мне надо срочно поговорить со священником”. Ему указали на о. И., который заканчивал исповедовать. Игнорируя очередь, художник так же громко прошептал: “Дело в том, батюшка… дело в том, что Я — ПЬЮ!” О. И. повернулся к нему и всплеснул руками: “КАК ЖЕ ТАК? НИКТО НЕ ПЬЕТ, А ВЫ — ПЬЕТЕ?!”

• Васька, не дожидаясь, пока гости сядут за стол, положил себе на тарелку еды и стал есть. Я обратился к о. И. с просьбой его урезонить. Тот произнес: “Господи, благослови яствия пития

рабу Твоему…”.

11 ноября 2001 года

• Неделю назад — проповедь о. И. (я — впервые в алтаре): достаточно прийти в церковь в сознании своего недостоинства Креста и Причастия, но с ощущением, что без этого не можешь. Потом о. Константин: чтобы свиньи (стадо, брошенное в воду) не мешали вам видеть Христа. А ведь мешают. И христианство не предназначено для повседневной, 2000-летней жизни, но Дары-то подлинные, вот что. В алтаре — как будто впервые при родах. Чувство, что родилась новая жизнь.

28 ноября 2001 года

• О. И. говорит, что ропот на судьбу — это ропот на творение, т.е. на Бога.

10 января 2002 года

• Перед Рождеством — исповедался и причастился. Мы не умеем встать перед Богом, не умеем сформулировать вопрос. Слабеет вера в человека, а значит — и в Бога. Растет недоумение перед творением. Зачем все это, зачем? Уныние, — говорит о. И., — это невнимание к своей душе.

1 февраля 2002 года

• Вопрос, на который хотелось бы получить ответ о. И.: почему отшельник, проведший в пустыне сорок лет и боровшийся с бесами, канонизируется Церковью, а человек, изобретший прививку против оспы или написавший гениальную музыку, — нет? Бесы, что ли, стали менее злыми после отшельнического подвига? Или он научил других бороться с бесами? (Отчасти, вероятно, да.) Или Церковь — это лишь один из институтов? (Музыканты и ученые канонизируют своих, а епископы — своих?) Вероятно, так. Но как же тогда верить в нее? Или верить только — в мистическое Тело Христово? Оно и есть — единая, святая, соборная и апостольская Церковь? Ответ о. И.: *такой духовной проблемы нет*. Добро мы делаем не своим именем, иначе никакой награды и т.д., канонизируют за святость… Ну нет, так нет. Хотя я как-то не очень уверен.

10 февраля 2002 года

• Спросил сегодня у о. И., почему это десять тысяч священников ежедневно возносили прошения о здравии и т.п. государя императора, а их молитвы услышаны не были. Неужели не было среди них праведников? Почему же Бог не услышал, не спас Николая II? — А потому, — отвечает о. И., — *что он был дурак*. Не надо было расстреливать толпу 9 января. А он сделал еще хуже — не сам расстрелял, а просто отказался разговаривать с теми, кто в него верил, т.е. он, собственно, и не был царем.

• М.В. [Мария Валентиновна — жена о. И.] объяснила, что,

по ее мнению, составляет суть так называемой народной веры: 1) вера в Николая Чудотворца (которого, по-видимому, вообще не было; нет такого ни в списке епископов Мир Ликийских, ни среди участников I Вселенского собора); 2) диалог Серафима Саровского с Мотовиловым (который придуман Нилусом, читайте книгу о. Всеволода Рожкова); 3) "Протоколы сионских мудрецов" (составленные тем же Нилусом); 4) "Моя жизнь во Христе" прот. Иоанна Кронштадтского (антисемита, активного участника травли Толстого и т.п. — читайте Лескова). Теперь еще и царственные мученики: в центре иконы не патр. Тихон, не митр. Вениамин, а они. Почему врача и слуг не канонизировали-то? Вот она где — местечковость. Но "Символ веры", Дары — настоящие.

21 февраля 2002 года

• Вчера у нас был разговор с о. И. о Книге Иова. О. И. сказал вот что. Итак, во-первых, в этой книге сформулированы все претензии, которые человек может предъявить Богу. Больше, чем Иов, сказать нельзя. Во-вторых, главный духовный вопрос состоит не в том, есть Бог или нет, это вопрос веры или естествознания, чего угодно. Главный вопрос — говорим ли мы творению и его Творцу — "да" или "нет". Был Освенцим, были смерти близких людей — как нам после этого относиться к творению? Сказать, как советовала жена Иову: *похули Бога и умри* (Иов 2:8)? Это и значит сказать "нет". Мир плох, он нам не нравится, как не нравился Кириллову, который хотел уничтожить себя. Но этого же хотят бесы: уничтожения мира и себя. Этого хочет раковая опухоль — убивая человека, она и сама гибнет. Собственного бытия у нее нет, но у нее есть как бы кусочек этого самого бытия. И вместе все эти бесы, которые и подталкивают нас к не-бытию, могут почти имитировать бытие.

Иов ответил "да". Хотя, вообще-то, что он услышал от Бога, кроме крика о том, что мир сложен и не он, Иов, его создал? *Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его? вденешь ли кольцо в ноздри его? проколешь ли иглою челюсть его? будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? сделает ли он договор с тобою, и возьмешь ли его навсегда себе в рабы? станешь ли забавляться им, как птичкою, и свяжешь ли его для девочек твоих? (Иов 40).*

И еще — очень важно: *Он никого не угнетает* (Иов 37:23). (Позже о. И. сам же возразил на это — а потоп?) Т.е.: Он создал мир, но Он не управляет нами. Мы свободны, в том числе — сказать Его творению "да" или "нет". И мы, в общем, все время и говорим то "да", то "нет". Мы не святые, как Иов, но и для дьявола никто из нас не стопроцентно надежен.

В ответ на мое недоумение о том, откуда взялся Елиуй и

почему он так точно угадывает, что потом скажет Бог, о. И. ответил, что это, вероятно, позднейшая вставка; еще он согласился с тем, что happy end с вытекающей из него моралью тут несуществен. Много было еще сказано им о *деятеле* и о времени, но я этого воспроизвести не сумею.

1 марта 2002 года

• 24 февраля погибла Лидия Ефимовна, Володина мама. Утром, когда я приехал к о. И. записывать разговор об Иове, позвонил Володя. Поиски в морге (очень-очень страшно), желание убежать и мысль — защитить Володю. Ни от чего я никого не защитил. А накануне мы проезжали аварию (это и была она, только мы об этом не знали), слушали идиотский "Антиформалистический раёк", и я даже не выключил музыку, хотя это меня тогда же задело. Ночью читали Псалтырь, а на отпевании о. И. произнес проповедь о Суде, напомнил слова Евангелия о том, что верующий в Меня на суд не идет, о том, что Господа не обманешь (*Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного*), а потому надо быть *хорошим человеком*.

• Смерть матери, — говорит о. И., — это психическая болезнь минимум на год.

28 марта 2002 года

• В церкви. Почувствовалось: не может быть, чтобы это все было случайностью — мое, наше рождение или, например, встреча с о. И. (А есть ли вообще, на самом деле, случайность? Или только непредсказуемость?) А если и случайно — кто создал возможность такого многообразия случайностей? Такого многообразия, что, по замечанию о. И., что бы с нами ни произошло, мир не ломается ("А мир прекрасен как всегда"). Т.е. мир сотворен Кем-то, Кто настолько превосходит наш разум, что мы и сказать-то о Нем ничего не можем. Кроме того, что Он нас любит.

13 апреля 2002 года

• О. И.: 1) Лучше нездоровое сочувствие, чем здоровое отсутствие сочувствия; 2) Эти *вбогаверующие* — довольно-таки противный народ.

• Хоть мы и ветхие, но есть в нас что-то от нового человека. И не только потому, что содрогаемся от: *Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!* (Пс. 136:9) Мы не только стали *чувствительнее*, но и искренне не хотим смерти матери Ч-ского [убийца моей сестры, ее сына и мужа] или его ребенка. А советовать мне, чтобы я простил убийц — ну, не знаю, как это назвать. 1) У меня нет божественной власти прощать; 2) прощать можно тех, кто просит прощения; 3) если уж прощать убийц, то

надо отказаться от собственности, подставлять другую щеку и все остальное. Высказал это о. И.

17 апреля 2002 года

• О. И. о врачах: их всегда интересует — когда что началось. И тут же вспомнил: *И спросил Иисус отца его: как давно это сделалось с ним? Он сказал: от детска* (Мк. 9:21). Почти все время плачет, цитируя Евангелие.

2 мая 2002 года

• Страстной Четверг. Раздражает: обилие антисемитской и просто очень глупой литературы (в помощь кающемуся или о том, как трехлетняя девочка попила в пост молока и Бог ее наказал — она заболела, в газете "Десятина" — ода старцу Григорию Распутину, в "Православной Москве" — сдержанные комплименты Сталину), приторные разговоры в трапезной (А где ваши дети? Они здоровы? Чем вы их кормите в пост? Так и хочется ответить — свининой, но говорю — картошечкой), третий пол (мы все как-то лишаемся пола, по выражению мамы), так называемая "народная вера" (т.е., как заметил о. И., этимологически — язычество, языки = народы) и, если подумать, много, наверное, чего еще раздражает. И все же, что ни говори, только в Церкви тепло: когда меня просят помочь (обычно — полечить кого-нибудь; хуже, если подвезти, еще хуже — дать денег, но все не так уж плохо), то не рассыпаются в благодарностях, не спрашивают, сколько должны, и т.п. И еще: здесь нет ненавистных мне от юности моей экономических объяснений чего угодно.

• Пока американцы не начали бомбить Белград — говорит о. И., — мне трудно было молиться "о воинстве", теперь это прошло [речь, разумеется, не об американском воинстве].

• Я: И даже если высказать все самое постыдное, тайное: желал смерти такому-то, мечтал о том-то с той-то и т.п. — самое главное все равно останется невысказанным. Ложь не победить. Надо быть художником, чтобы просто сказать правду. О. И. о *не своей* жизни: не лгать себе! "А быть живым, живым и только". Иначе — не своя жизнь. И даже грех не доставляет удовольствия. Потому что грешишь как бы не ты. Поиск среднего, компромиссного пути — ну и пусть, лишь бы поиск был честный. Еще он сказал, что *труда, как и любви, не бывает слишком много*. (Но он бывает направлен не на то, так, что ли?)

8 мая 2002 года

• О. И. о людях, почувствовавших себя великими: они сразу впадают в какой-нибудь постыдный блуд, и посылается им это даже не темными, а светлыми силами. Еще о том, что воскрешение Лазаря, быть может, произошло не божественной, а

человеческой волей Христа.

10 ноября 2002 года

• Спрашивал когда-то у о. И., насколько обязательно для православного мнение о *приснодевстве* Марии. Он: обязательно, но, возможно, неправильно.

• О. И. про одно духовное лицо: “Да, дурак, который хочет стать епископом. Но, кажется не кровопийца. Впрочем, не вор, не мужеложник, не пьяница. Значит, все-таки кровопийца”.

• О. И. изложил свои взгляды на устройство общества. Есть три типа организации людей: иерархия, братство и мафия. Иерархии служат ценностям: врачи — здоровью, священники — святыне, ученые — истине, художники — красоте, пожарные — противопожарной безопасности и т.д. В этих иерархиях наверху должны быть самые лучшие врачи, священники, ученые; ниже стоят члены иерархии послабее. Члены иерархии необязательно любят друг друга. Члены же братства, напротив, друг друга любят, но их профессиональные качества не так уж важны. В самом деле, если мы любим нашего брата, то так ли уж существенно, хороший он ученый или нет. Соединение иерархии с братством образует *мафию*: такой-то, конечно, ученый слабенький, но он наш, *свой*, т.е. — брат, поэтому дадим ему защитить диссертацию, сделаем епископом и т.д. И еще существует государство, чья единственная задача — гордых смирять, а слабых восставлять, т.е. в основном государство — это менты. И вот, когда все наши иерархии теперь превращаются в мафии (пожарные поджигают дачи, чтобы новые русские могли по дешевке купить участки, врачи оперируют не тех, кому показана операция, а у кого есть деньги), мы взываем к этим самым ментам: защитите! А что менты понимают в искусстве, медицине и прочем?

• О. И.: бесам необходим субстрат. Хотя бы стадо свиней. Они лишены самостоятельного бытия. Дальше — о необходимости дать им выход, например, в словах, словах исповеди. Но как-то это последнее не очень убедительно.

• 30 октября (день памяти жертв репрессий) ходили на Лубянку к камню. Дождик. Митинг не разрешили. Явлинский с пустым лицом положил венок. Агрессивные Федоров и о. И. пришли выступить, воспротивиться антиправительственной резолюции про жертвы теракта [дело происходило сразу после событий на Дубровке], мы с Володей и Ваней Чабровым — их сопроводить и даже защитить. Никакой, впрочем, резолюции не было. На скамейке рядом с о. И. чей-то плакат: “Не забирайте у нас льготы”. Подошла умильного вида тетка с телекамерой: “Батюшка, сегодня во многих храмах поют жертвам политических

репрессий *Вечную память*. Как вы к этому относитесь?" О. И. (раздраженно): "Отрицательно. Мы еще живы, и надо петь не *Вечную память*, а *Многая лета*. И не только петь, а сделать все, чтобы лета наши были многими". Тетка ушла. Подошел какой-то сутяжник, начал приставать к о. И. по поводу льгот. Тот его оборвал: "Так со священником разговаривать не принято". Дядька не унимается. Подскочил Боря Ратновский: "Вот нас тут три политических зэка, мы вас можем послать на три буквы". Занимательная арифметика. Дядька снова за свое. Боря — на всю площадь: "ПОШЕЛ НА …!" Тут мы засобирались. Боря позвал на тусовку в ХХС. О. И.: "Слушать, как Газманов будет петь: *М-о-о-о-й* храм. Ну нет. Мы едем в "Практику" обедать". И поехали.

10 февраля 2003 года

• Спросил у о. И. вот о чем. Священник, конечно, не обязательно святой, но бывают среди них не то что грешные, как все мы, а совсем плохие люди, например, такие, которые "стучат" на своих братьев. Но вот они произносят положенные слова, и совершается чудо, на каждой без исключения литургии. Хлеб и вино превращаются в Дары. Значит, тут — магия, а не мистика? Подчинение Божества себе. — Нет, — отвечает о. И., — это дар *нам*, обещанный Спасителем. Это *он нам*, *Церкви*, заповедал: Сие творите в Мое воспоминание.

• Спросил у М.В. и у о. И., какая из книг, кроме Писания, оказывала на них действие, сравнимое с лучшей русской поэзией — с Пушкиным, Цветаевой, Блоком и др. М.В. назвала восточную мудрость (буддийские, китайские книги), а о. И. — литургию, службы панихиды, а также древность — всевозможные эпосы, египетский, книгу о Гильгамеше, исландские саги и т.п. Святых Отцов никто не назвал.

• Лучшее для негонимой Церкви положение — это, видимо, положение ОСА [Orthodox Church of America]. О. И. говорит, однако, что это не выход, церковь там существует только по воскресеньям. Анна: семьдесят лет Русской церкви затыкали рот кляпом, а когда кляп вынули, то услышали: "Дайте нам денег, здания, власть". Такая вот свобода была куплена ценой крови мучеников. В общем, виноваты проклятые семьдесят лет бездуховности. И предшествующие тысяча лет духовности.

• О. И.: Маленький мальчик залез в Интернет, / Больше в Сети информации нет (внуки почитали ему страшненькие стишки).

• О. И. хочет, чтобы Машенька [внучка] помогала обществу не иначе, как тщательно пережевывая пищу.

3 апреля 2003 года

• Бог и баба — учит нас о. И. — это жизнь. А водка —

смерть. И Веничка Ерофеев поэтому его личный враг. Но, в общем, теперь как-то яснее, отчего русский человек относится к смерти иначе, чем протестант: мы очень мало любим жизнь. Мне: “Ты-то как можешь водку пить? Ты же еврей”. Еще: “Как говорил сапожник Яша, двух вещей я не могу понять — за что они так любят водку и так не любят нас”.

27 мая 2003 года

• О. И. в разговоре с Н.: разница между искусством и твоими комиксами — как между любовью и продажной любовью.

• Был разговор с о. И. о вере и угрозе ее потери. Препятствие между о. И. и Богом — Таня. А в Бога, которому нет до нас дела, никому из нас верить не хочется. Нет ответа. Но без Него тоже невозможно. Должно быть что-то, кроме страха и жажды удовольствий, призванных заглушить этот страх.

9 июня 2003 года

• Разговор с о. И. и М.В. Итак: либо “Сникерсни в своем формате” (огромный плакат на Библиотеке им. Ленина), либо фашизм. Других общественных идей не предвидится. Христианство не есть социальная идея. Когда христианство применяют в таком качестве, оно обнаруживает явное тяготение к фашизму. Отчего неплохие и неглупые люди становятся такими? Во-первых, от любви к силе. И пример Маяковского, Олеши и других, полюбивших силу и от нее погибших, не убеждает. Во-вторых, и это главное, — оттого, что “humankind cannot bear very much reality” [из Т. Элиота, в переводе С. Степанова: Человекам невмочь, / Когда жизнь реальна сверх меры]. Пусто без социальной идеи. Коммунизм был последней великой идеей. Коммунистический идеал был идеалом христианским (Сам погибай, а товарища выручай). Был да сплыл. Что теперь сказать мальчику, который стоит на подоконнике и ждет, чтобы его отговорили прыгать? Сказать ему, что есть любовь? Но он не верит, что его кто-нибудь полюбит. Тем более в то, что есть Он (т.е. Ты), Который любит.

• Смертная казнь все же должна быть отменена. Если бы мне по окончании суда предложили собственноручно расстрелять убийц из табельного оружия, я бы почти наверняка согласился, но теперь был бы иным. О. И. подтвердил: отмена смертной казни нужна, чтобы защитить нас, а не убийц.

• Говорили вот о чем: когда человек берется рассуждать в терминах “Россия”, “народ”, “евреи” и т.п., талант его полностью оставляет. Исключение — Пушкин, даже не Блок.

17 июля 2003 года

• О. И.: никто не имеет *права* на Причастие. Точно так же никто и не обладает *правом* на любовь ближнего. У Цветаевой: “Я

обращаюсь с требованьем веры и просьбой о любви”.

21 июля 2003 года

• Разговор с М.В. и о. И. о “Медном всаднике”. Евгений и Петр — кто прав? Оба правы: у государства своя правда, у маленького человека — своя. Но нам надо быть вместе и *не входить в положение начальства*. Всегда быть на стороне уклоняющихся от службы призывников, дезертиров. Как Марья Дмитриевна с красивыми локтями в “Хаджи-Мурате”. Здравый смысл против профессионального понимания политики, а по сути — против оправдания бессмысленных жертв и потоков лжи и пошлости. Хватит быть пикейным жилетом. Относиться к политике по-женски: “Звери, какие звери”.

21 сентября 2003 года

• О. И. объяснил: формализация и редукция — вот правильное название двух видов анализа. Я всегда это называл *объяснением сверху и объяснением снизу*.

30 сентября 2003 года

• Длинный разговор с о. И. в автомобильной пробке. Я ворчал по поводу квадратности его песен [отец Илья сочинял музыку], а он говорил, что любая музыка — это или песня, или танец, или марш. Я в ответ поставил 1-ю часть Первого скрипичного концерта Прокофьева, и он признал: да, тут сложнее. Вообще, хотя мы иногда спорим, ни разу не казалось, что ему хочется быть правым.

2 ноября 2003 года

• Издал “Проклятие” [сборник повестей и рассказов Е.Б. Федорова]. О. И. говорит: отношения важнее общих идей. Всех, даже христианских. В этом, собственно, и состоит христианство — не так?

• Евтушенко вменяется в заслугу строчка: “Но для всех антисемитов я — еврей…” А по-моему, он врет: не был он никогда евреем для всех антисемитов. Вранье в поэзии отвратительно вдвойне. Но о. И. говорит, что для многих антисемитов он таки евреем был.

24 января 2004 года

• О. И.: надо принять решение и ему следовать, т.е. принимать все последствия, которыми это решение чревато. А отказываться каждый раз, а потом делать — значит, искать беду на свою голову, например, ждать, что тебя арестуют или еще как-нибудь очень плохо разрешат создавшуюся ситуацию. — А как же причащаться? Как каяться? — Покаяние все же необходимо. — Но ведь каешься в том, что собираешься продолжать делать? И вообще: как быть живым, живым и только и т.д. — Бывают неразрешимые задачи. — Ну, это тоже решение…

• Говорили про “Доктора Фаустуса”. О. И. сказал, что медицина там — лишнее, не пропущена через сознание автора и его героев, не то что в “Волшебной горе”. О том, что бредовая идея — эквивалент раковой опухоли: саморазмножающийся деятель.

• Дело было на еврейскую пасху в начале 1980-х годов. О. И. шел по пустому Иерусалиму в церковь в предрассветных сумерках. Вдруг на балконе одного из домов показался мальчик лет пяти: наверное, вышел пописать. — Человек, ты кто? — спросил мальчик у о. И., человека необычного вида — с бородой, в подряснике. — Ильяху (Илия), — ответил тот. Мальчик, охваченный трепетом, убежал.

23 февраля 2004 года

• Странно все же от врача услышать: не важно, жив ты или умер, а важно, ради чего ты живешь. Врачу важно, жив или мертв, врач служит жизни. Вот и о. И., как оказалось, это не нравилось.

1 марта 2004 года

• Тайна Троицы. Разговор с о. И. Странно, о. И. большей тайной кажется единство сущности, а не троичность лиц. Чтобы понять тайну Троицы, надо понять, что такое личность, — говорит о. И., а это — тайна. Я: человек тоже имеет одну сущность и множество лиц, но единство наше все же не такое, чтобы говорить о едином Человеке, не так ли? Моя догадка: вероятно, человек, когда был сотворен, и был столь же един, сколь и Св. Троица, а с грехопадением это единство разрушилось.

19 марта 2004 года

• О. И.: коварство — это наличие комнат в душе другого, куда тебе не то чтобы вход запрещен (такое есть у каждого из нас, разоружаться глупо), а ты просто не имеешь понятия о существовании этих комнат.

• Пожаловался о. И. на отсутствие интереса к личному спасению. Я хочу увидеть папу, а встречи с Богом без папы мне не хочется. Но только в Боге и можно встретить дорогих умерших, таков, что ли, должен быть ответ? Ладно. Несколько лет назад о. И. сказал, что висящая перед ослом морковка в виде загробной жизни его совершенно не интересует. Но встречи с Таней ждал.

• Машенька говорит хулиганам, потенциальным насильникам: “У меня отец священник” — и те отстают. А одна женщина-филолог сделала так: написала на двери своего деревенского дома (в котором ее нет по полгода) записку: *Дом заговорен от грабежа на болезнь и смерть*. Раньше залезали, теперь перестали. Рассказал о. И., ему очень понравилось.

8 апреля 2004 года

• Какой-то сенсационный фильм о Христе (Мэл Гибсон — то

ли актер, то ли режиссер). О. И.: наверное, все евреи, а Христос араб. Я не смотрел и не хочу смотреть, как не хочу видеть фильм про то, как умирал мой отец, пусть его даже играет Янковский или Михоэлс.

18 апреля 2004 года

• Арик, а почему это еврей не может быть христианином? Что это за антисемитизм такой? Пересказал это о. И. Страшно видеть евреев, глумящихся над трупом деятеля ХАМАСа. И стыдно. (Он: “Хуже евреев только все остальные”. Про избранность: “Все народы избранные, но кроме евреев нет никаких народов”. Отчего это антисемиты цепляются за несуществующий, мифический образ еврея, когда аргументы прямо лежат на поверхности?). Общие идеи страшны и изжиты. Но без них нельзя. Так называемая *частная жизнь* = *мещанство* = *буржуазия* (място = бург = город) рано или поздно приведет к национализму — фашизму. А в чем, собственно, состоит националистическая идея? В том, что людям одной национальности хорошо бы жить вместе и без чужих. Но это ведь есть и в Ветхом Завете, т.е. идея эта сильная и старая.

• О. И.: Искусство — это *саморазвитие правды*. И все, никакой художественности. • В Гемцентре ремонт. О. И.: Ремонт, строительство и перестройка — три имени для воровства.

15 июня 2004 года

• Наконец понял онтологию по о. И. (вероятно, кусочек ее): про грехопадение и законы физики. Законы физики создались в результате грехопадения. Они возникли сами по себе взамен благодати и свободы (не отнятых, впрочем, у нас полностью). Яблоко летело раньше к земле по свободной своей воле, а теперь полетело по закону.

• На дне рождения о. Ильи вдруг понял красоту русской народной песни. То, о чем он говорил: как во сне, когда падаешь, падаешь.

25 июля 2004 года

• О. И.: пока живешь по закону, ответствен за все закон, когда начинаешь жить по своему хотению — отвечаешь за всех участников ситуации.

5 сентября 2004 года

• О. И. настоятельно рекомендует причащаться за каждой литургией, не реже раза в неделю: это и только это дает силы. Радость будет в любом случае, даже если причащаться раз в год, на Пасху, но силы изменить себя дает только частое причащение. Исповедуясь и причащаясь, ты участвуешь в литургии. Иначе — небрежная, неряшливая жизнь — что удержит тебя от этого?

1 октября 2004 года

• Вчера, ошеломленный неуспехом, вернулся из Чебоксар, а сегодня о. И. на моих глазах и руках чуть не умер от бронхиальной астмы, развившейся внезапно по окончании введения циклофосфамида. Потом хорошо поговорили. Мысль о. И.: всякое зло — хоть астма — мгновенно создает положительную обратную связь.

29 ноября 2004 года

• Еще день без о. И. Куда девались эти вечера, когда я выходил от него, стараясь не забыть, о чем было говорено?

• Трижды мы ездили в 31-ю больницу делать компьютерную томографию, а о. И. начисто об этом забыл. “Хорошо вам помогать, отец Илья”, — говорю. “Да, — подхватил о. И., — награда у тебя не отнимется”.

7 декабря 2004 года

• Не хочу — широких философских взглядов на жизнь и смерть. Водопроводчик хочет, чтобы нетекущий кран воспринимался как ценность сам по себе, я того же прошу в отношении жизни, биологического существования. Главное, что сам о. И. именно так смотрит на жизнь.

30 декабря 2004 года

• Н. говорит, что все больше примиряется со своей смертностью. По-моему, просто выдает действительное, неизбежное, за желаемое. А мне как-то не хочется мира. Потому что условия уж очень напоминают те, что были предложены Кейтелю: готовы ли вы подписать акт о полной и безоговорочной капитуляции? Что если бы он ответил: не готов? Отвели бы в соседнюю комнату, застрелили и пригласили бы какого-нибудь Дейница. И о. И. всегда, когда кто-нибудь умирает, винит во всем врачей, священников, милиционеров, Буша и т.д. И правильно. Смерть противоестественна.

• Сегодня о. И. сказал: “Терпеть не могу добрых дел”. И пояснил: “Сами по себе они хороши, но когда я слышу, что кто-то собирается совершать добрые дела, я держусь за кошелек”.

6 января 2005 года

• Исповедь. О. И. сумел сказать очень мало, но самое важное: НЕ ЗАБЫВАЙ О БОГЕ КАК О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ.

10 января 2005 года

• Вчера сопротивление прекратилось. Так решили М. В. и сам о. И.

13 января 2005 года

• Сегодня в 6:30 утра умер отец Илья. Ближе друга у меня не было. Тотчас понял, что означает “духовный отец”: есть, вероятно, еще умные и глубокие люди, но только ему я верил (в важном, не в бытовом) безоговорочно, как ребенок — отцу. В последние дни

разговоров не было, но были теплые руки и лоб, а теперь все, смерть.

16 января 2005 года

• 14 января о. И. перевезли в церковь, на другой день отпели и похоронили. Отпевали о. И. множество священников. Потом были шутки Федорова, водка в автобусе, разговоры, а больше совместное молчание с Мишей Тихоновым, погребальное пение при свечах, березовый крест. Марьяша и жены-мироносицы (ахматовские плакальщицы). Как она смотрела на о. И., как стояла у гроба. Появилось что-то в ней подлинно женское.

• Вспомнил отзыв о. И. об о. Константине: в нем сочетаются лучшие качества, какие есть в русских людях, — аристократизм и простота.

18 января 2005 года

• Вера в церковь, — говорил о. И. — это второе. Первое — вера в Бога. Кажется, многие из нас начали не с того.

• Как-то раз Федоров выбрал темой своего ерничанья Евангелие. “Ну почему Он всех исцеляет именно в субботу? Двадцать лет человек был парализованным, мог бы еще денек подождать! Говорил же — пришел не нарушить закон, но исполнить. А получается — именно нарушить”. И все в таком духе. Наконец о. И. не выдержал и закричал: “А потому, что Евангелие против всякого формализма! Потому что формально ни у твоего Мишки [сын Федорова, убитый на улице ударом бутылки по голове, умер в больнице, виновных не нашли], ни у нашей Тани, ни — ко мне — у твоей Ани, не было бы никаких шансов. И вечно им быть бы аутсайдерами. Понятно, нет?”

21 января 2005 года

• Девятый день. М. В. сказала, что “Вестник РСХД” интересуют свидетельства об о. И. Если напечатать кусочек из моих записок, то, вероятно, многое, необщее, придется выкинуть и останется такой вот милый чудаковатый батюшка, еврей-интеллигент в Церкви, случайный, в общем, человек. А если напечатать все, получится какой-то ультрареформатор, т.е. человек *партийный*. А в том-то и дело, что о. И. не был ни случайным, ни партийным. Не был парадоксалистом или чудаком. И совершенно не интересовался тем, будут ли стоять в церкви или сидеть, будут ли читать по-славянски или по-русски. Он очень любил: 1) Марию Валентиновну, об этом писать не смею, и друзей (“Отношения важнее общих идей”), 2) Господа Иисуса Христа и Евангелие, 3) Литургию, вообще службу и Псалтырь. Самые любимые службы — утренние службы первых трех дней Великого поста, любимый праздник (после Пасхи) — Лазарева суббота. Не любил активно — антисемитские службы

Великой пятницы — утреню (“Двенадцать евангелий”) и службу погребения Плащаницы (очень любил Царские часы в Великую пятницу, “Кости сухие” — всегда плакал) и пассивно — всевозможные молебны. Никогда почему-то не говорил проповедей о Богородице, даже в Богородичные праздники выбирал темы из Апостола; из святых говорил при мне проповеди только про Максима Исповедника; 4) исповедь (по словам М. В., он обратился к сент-женевьевской пастве со словами: “Я был в Москве, исповедовал по триста—четыреста человек в день, и каждый говорил со мной, как будто это его последняя исповедь; а вы мне в чем исповедуетесь — я не был очень милым со своей тетей”). Не было случая, чтобы после исповеди мне не стало лучше, чище, яснее на душе; 5) эпос, стихи, музыку. Считал, что понимает лишь в музыке. Об этом тоже распространяться не стану. Скажу только, что древнеегипетский эпос мне гораздо интереснее было слушать в его пересказе, чем читать до и после. Еще любил: всевозможные удовольствия, в том числе мороженое, папиросы “Беломор” и многое другое, государство Израиль, приключенческие книги, Рабле, вообще все здоровое и детское — очень радовался пневматическому пистолету, который я ему подарил на семидесятилетие — это единственный мой подарок, который ему доставил радость (остальное было — небулайзеры и прочее из области печальной необходимости). А больше всего любил СВОБОДУ — ту, про которую сказано: “и истина сделает вас свободными”. Не любил: 1) моды — ни в каком виде; все самые страшные преступления совершаются из следования моде; 2) идейного мужеложства; 3) начальства, т.е. тех, кому нельзя сказать “нет”; 4) обличительной литературы (даже “Бесов”), вообще не любил читать про то, как человек плох, не разделял моей любви к Гоголю и даже к Мандельштаму (видимо, поздно его узнал); 5) преувеличенного представления о духовности. По-моему, не любил путешествий, достопримечательностей. Еще — спорта, головоломок, вообще игры.

22 января 2005 года

• Когда М.В. посылала ему в лагерь стихи Пастернака (из-за цензуры — без указания автора), он показывал их своим товарищам — видите, как моя Машенька пишет.

• О. И. считал старчество не спасением для России, как Достоевский, а угрозой для нее. Опасался вмешательства черного духовенства в нашу жизнь: монах должен плакать о *своих* грехах.

• О суровой реальности. Спросил о. И., сильно ли он огорчился, получив восемь лет. Надеялся ли, что отпустят, боялся ли, что дадут больше? А он сказал, что не воспринял всерьез, как вообще любую реальность. И, кажется, это помогло выжить. То же

с больницей: может быть, ты и прав на ее счет, но — не пытайся вернуть меня к реальности, я там единственный нормальный человек. И правда, остальные испуганно, судорожно вцепляются в любого нового человека, я на их месте, возможно, делал бы то же. И это помогло ему прожить почти четыре года с лимфомой и всеми остальными болезнями. С этим типом лимфомы столько в среднем и живут на Западе. И летом, когда он рвался с агранулоцитозом в Москву служить на пророка Илью ("Да, я это делаю для карьеры, ни для чего больше!" — т.е. чтобы не уволили за штат), он тоже ясно мне сказал: не хочу, чтобы моя жизнь описывалась в этих двух словах — суровая реальность.

• Считается, что о. И. был очень покладист, между тем одному алтарнику он никак не давал благословения на поступление в семинарию. Все время спрашивал, зачем тому быть священником, а в ответ слышал какую-то благочестивую чепуху. Спрашиваю: "А вы бы, отец Илья, что ответили?" — "Что я хочу совершать литургию, что же еще?"

• Вспомнил разговор по поводу "Овода". О. И.: "Конечно, Монтанелли должен был отказаться от всего в пользу сына. И не швырял бы чашу с Дарами. Быть с сыном и значило быть со Христом".

28 января 2005 года

• Про кого-то я сказал с досадой: "Простой советский человек". — О. И. спросил: "Или простой советский секретарь райкома?". Потому что простой советский человек хороший. Его идеал — вполне христианский. Уровень страха меньше, чем у западного человека; рассказал, как русские (евреи, конечно) передавали друг другу детей во время бури в Эйлате, когда западные туристы бежали. Русские спят в электричках.

• Стояли с Ж. у выхода из храма, он болтал свое обычное: такие-то спасутся, такие-то не спасутся (некрещеные, самоубийцы, католики и т.п.). Подошел о. И. в хорошем расположении духа: "Отцы, о чем вы?" — Ж. объяснил. "Не спасутся? Даже если Сам Господь захочет?" — удивился о. И.

• Вспомнил проповедь о. И. на Покров: только русские могли сделать одним из главных своих праздников день, когда их победили.

• Сказал о. И., что святая вода у меня стоит неизрасходованной до следующего года. "Это только означает, что ты недостаточно народен".

21 февраля 2005 года

• Первый разговор с пульмонологом: "Ну, о вреде курения я, наверное, могу не рассказывать". О. И.: "Расскажите. *Талантливо*".

• О. И. в ответ на мое нытье: “Было ли хоть раз, чтобы ты пожалел, что сходил в церковь?”

10 марта 2005 года

• Когда я заставлял о. И. делать что-нибудь медицински-неприятное, он грустно глядел на меня и повторял: “Тефаль, ты думаешь о нас”.

• Вспомнил про “ведь меня не пантера прыжками…” и Данте. Ехали из больницы. О. И. было совсем плохо. Казалось, что и умственно он стал уже не тот (диабет, болезнь Паркинсона?). Только матерился про эмиграцию. Я вспомнил про пантеру, всем известное, Ходасевича. “Это Данте” — сказал о. И. Я решил, что дело совсем плохо, но тут о. И. прочел из Божественной комедии (у Лозинского — рысь) — и я успокоился.

• Странно жить без о. И. Незащищенность.

• М.В. говорила, что о. И. и вправду считал себя самым грешным. Трудно в это поверить, но, видно, так и есть. И боялся, что его не пустят к Тане. (Кто? Кто может не пустить отца к дочери?)

• М.В. сказала, что тайну о том, почему о. И. никогда не говорил о Богоматери, он унес с собой. Но она считает — от целомудрия. О. И. никогда не говорил 1) о своей матери; 2) о ней, М.В., с посторонними; 3) о Богоматери — высшем воплощении женственности.

*Биографическая справка**

Илья Хананович Шмаин родился 22 мая 1930 года в Одессе в еврейской нерелигиозной семье. Его отец Ханан Моисеевич Шмаин — кинорежиссер, ученик знаменитого Леся Курбаса, расстрелянного в 1937 году; мать, Лия Львовна Бродзинская, преподаватель литературы на идиш, бежала из Польши в СССР. Из Одессы семья перебралась в Киев, а затем в Москву. В 1941 году Ханан Моисеевич добровольцем ушел на фронт, попал в плен к немцам, чудом спасся, семья его тяжко бедствовала.

После войны возобновив учебу в московской школе-десятилетке, пятнадцатилетний Илюша (будущий отец Илия) объединил вокруг себя нескольких одноклассников, и вместе с другими юношами и девушками они составили подпольную группу молодежи, жившую духовно-религиозными поисками. Встречались с 1946 года чуть ли не каждый день, чаще всего у Кузьмы (Анатолия Бахтырева), у которого была отдельная комната, так что можно было общаться ночи напролет. Среди других участников кружка нельзя не назвать Е.Б. Федорова, ныне известного писателя, будущего крестного отца Ильи, и Н.Н. Смирнова, композитора, открывшего юному Илье музыкальный мир. Самой младшей в кружке была Маша Житомирская (Мария

Валентиновна, род. в 1933 году) — будущая жена Ильи. В кружок был заслан штатный осведомитель и провокатор Феликс Карелин, впоследствии “видный деятель” церковного возрождения, один из создателей журнала “Вече”. В 1948 году почти всех членов кружка арестовали; Илья получил восемь лет. К моменту ареста Илья Шмаин окончил школу и поступил на мехмат МГУ.

В северном лагере (Вятлаге) Илья провел 5 лет, первый год на общих работах на лесоповале, затем перепробовал множество профессий, был стрелочником, бондарем, фельдшером в лагерной больнице, контрабасистом в лагерном оркестре. Маша Житомирская не была арестована по возрасту и, оставшись на свободе, посылала письма и посылки арестованным друзьям, а к Илье поехала в лагерь на свидание. 2 октября 1954 года Илья Шмаин и его друзья-однодельцы вышли на свободу.

По выходе из лагеря Илья Шмаин восстановился на заочном отделении мехмата МГУ и закончил его в 1962 году. Во время учебы работал простым рабочим на заводе (как репрессированный не мог устроиться ни на какую квалифицированную работу). В последние годы учебы и по окончании университета работал во Всесоюзном институте научно-технической информации (ВИНИТИ) как специалист в различных областях математической логики и формальной лингвистики, а позднее — в области разработки языков программирования.

Долгие годы религиозных и философских исканий, встречи в тюрьме и в лагере с безвестными святыми русского православия привели Илью к христианству и к Церкви. Его жена крестилась за десять лет до него и содействовала его воцерковлению. В Великий четверг 1963 года он принял крещение, глубоко вошел в церковную жизнь сам и способствовал воцерковлению множества людей: с 1965 года крестники появлялись у него еженедельно. Духовником Ильи был о. Владимир Смирнов, священник храма Св. пророка Ильи (“Обыденного”) на Остоженке; большое влияние на Илью оказал также о. Николай Ведерников, у которого он служил псаломщиком в подмосковном храме. С 1970 года Илья Шмаин тайно вел богословский семинар на дому, был участником тайных встреч с приезжавшим в Москву митрополитом Антонием (Сурожским) и распространял его проповеди. Вокруг Ильи постоянно была группа молодых людей, многие из которых впоследствии стали священниками.

С начала 1970-х годов Илья настойчиво пытался принять священство; но в те годы для человека с высшим образованием, да притом еврея, это было практически невозможно. В 1975 году Илья с семьей эмигрировал в Израиль; в Иерусалиме их семья

сразу стала центром притяжения для новых переселенцев из России, находящихся в духовных исканиях или уже принявших православие. Однако рукоположиться в Израиле оказалось невозможно, и Илья на время уехал из Израиля во Францию. В 1980 году на праздник Благовещения он был рукоположен в священный сан архиепископом Георгием (Тарасовым) в сослужении епископа Георгия (Вагнера) и стал священником Западно-Европейской Русской архиепископии юрисдикции Вселенского патриархата. Первым местом его служения была Покровская обитель в Бюсси-ан-От. Осенью 1980 года о. Илия получил долгосрочный канонический отпуск от Западно-Европейской Русской архиепископии и был направлен в Иерусалимскую патриархию.

Отец Илия стал членом Святогробского братства. В ночь на воскресенье он служил литургию на Гробе Господнем, в ночь на пятницу — на Голгофе. В будни, тоже по ночам, о. Илия тайно служил в одной из православных церквей старого Иерусалима для небольшой общины евреев-христиан — выходцев из России, а днем продолжал научную работу в качестве программиста в Институте Вейцмана в Реховоте.

В 1983 году семья переехала во Францию, где о. Илия сначала служил в храме Всемилостивого Спаса в Аньере под Парижем, а затем, с 1990 по 1997 год, — в Успенском храме на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Уже с начала 1990-х годов о. Илия предпринимал неоднократные попытки вернуться в Россию, но только в 1997 году при содействии архиепископа Сергия (Коновалова) состоялось соглашение между Западно-Европейской архиепископией и Московским патриархатом о переходе о. Илии под юрисдикцию последнего. С 1997 года и до самой смерти отец Илия служил в храме Петра и Павла у Яузских ворот в Москве. Летом, во время отпуска, он служил в храме Воскресения Господня в Тарусе.

Отец Илия занимался и богословскими исследованиями — осталась неоконченной его книга “Толкование псалмов”.

В 2001 году о. Илия смертельно заболел, но продолжал служить до последних дней. Последнее общественное богослужение он совершил незадолго до кончины — это была панихида по узникам лагерей и молебен о здравии еще живых бывших узников у Соловецкого камня на Лубянке в День политзаключенного 30 октября 2004 г. За три недели до смерти он успел в тесном семейном и дружеском кругу отпраздновать золотую свадьбу.

Отец Илия умирал дома, его духовные чада, друзья-

священники и просто друзья приходили к нему прощаться, а о. Константин почти ежедневно причащал умирающего.

Отпевание отца Илии Шмаина было совершено 15 января 2005 года в храме Петра и Павла. Служили тринадцать священников, еще пяти или шести священникам не хватило облачений, и они стояли в храме среди многих сотен пришедших людей. В тот же день о. Илия был погребен на Бёховском кладбище при Музее-усадьбе В.Д. Поленова, рядом с могилами своего тестя и младшей дочери Татьяны.